

Линь Шуан пробудилась от резкой, пронзительной боли.

Это не было тем чувством пустоты, которое она испытывала, будучи странствующим духом, и не тем жаром, что охватывал её при поглощении чужих навязчивых идей. Нет, это была вполне осязаемая, тупая боль, расплзающаяся от щек по всему телу, словно в каждую косточку набили ледяной крошки, а затем с силой прокрутили их.

Она резко распахнула глаза и увидела перед собой примитивный деревянный потолок. На балках сушились пучки трав, а воздух был пропитан тяжелым запахом лекарств вперемешку с легким рыбным смрадом — эта смесь вызывала тошноту.

— Приветствую вас, носитель. Вы успешно привязаны к Системе очищения от навязчивых идей. Текущий персонаж: Чжоу Тяньэ.

В голове прозвучал холодный механический голос, но Линь Шуан никак на него не отреагировала. За тысячу лет пребывания духом она выработала невозмутимость, которой не повредило бы даже обрушение небес. Она медленно подняла руку и коснулась щеки — кожа была неровной и грубой. Словно её изъело нечто неведомое, касание было пугающим — совсем не то, что она помнила о своей прежней, гладкой, подобно топлёному жиру, коже.

Воспоминания, ей не принадлежавшие, хлынули в сознание подобно приливу. Вместе с ними пришла острая, неистовая обида и ненависть Чжоу Тяньэ — они едва не развеяли её душу, только что обретшую опору в новом теле.

Чжоу Тяньэ должна была стать самой яркой Минчжу в этих краях у реки на юге страны: благородное происхождение, ослепительная красота. Характер её был нежным и добрым: долгие годы она помогала соседям, спасала слабых. Но именно такого доброго человека ждала ужасная участь: изуродованное лицо и всеобщее презрение. В детстве, пытаясь спасти Чжуан Хунсин, она сорвалась со скалы, и её лицо было растерзано рыбий духом, обитавшим в горах. Эту боль от увечья хозяйка тела не могла забыть до самой смерти.

Однако Чжуан Хунсин, которую она спасла, не только не испытала ни капли благодарности, но из зависти к её угасающей славе каждый день поливала её насмешками и распускала грязные слухи. Но больше всего не давало покоя то, что стоило ей лишь однажды оступиться, поддавшись искушению ёкая-ящерицы, как её тут же распяли на позорном столбе, окрестив злодейкой, а все добрые дела прошлых лет были попросту вычеркнуты из памяти людей.

А Чжуан Хунсин? Несмотря на то, что она причинила многим людям боль, стоило ей притворно покаяться, как она тут же получала всеобщее прощение и даже счастливый финал.

— Море страданий безбрежно, но стоит оглянуться — и берег рядом...

Голос хозяйки тела, полный кровавых слез, звучал в глубинах памяти:

— За что? Почему тех, кто творит зло, все прощают, стоит им немного исправиться, а если добрый человек хоть раз проявит эгоизм, его тут же считают отъявленным мерзавцем? Если всех злых можно спасти и наставить на путь истинный, то кому тогда жаловаться на несправедливость тем, кто всю жизнь творил добро?

Её навязчивые идеи были ясны и сильны: во-первых, заставить рыбий дух, изуродовавший её лицо, заплатить по счетам; во-вторых, отплатить Чжуан Хунсин за её неблагодарность и жестокость, а также наказать ящерицу, которая воспользовалась её слабостью; в-третьих, прожить жизнь заново, доказать свою правоту и посмотреть, существует ли на самом деле так называемое воздаяние за добро и зло.

Линь Шуан усвоила эти воспоминания, и уголок её губ изогнулся в холодной усмешке. Она сама была тысячелетним духом, странствующим между мирами живых и мертвых и питающимся людскими навязчивыми идеями, чтобы стать сильнее. Впервые она встретила столь чистое и концентрированное чувство обиды — оно доставило её душе почти что удовольствие.

— Занятно, — прошептала она. Голос звучал хрипло после вселения, но в нем отчетливо слышался холод. — Твои навязчивые идеи я принимаю. Система подтвердила, что носитель принимает условия договора, теперь вам доступны для обмена начальные предметы.

Голос Системы прозвучал вновь: Обнаружено, что душа носителя обладает особыми свойствами, что позволяет дополнительно разблокировать способность Слияние с силой призрака. Желаете обменять предметы прямо сейчас?

Меняю, — без малейших колебаний ответила Линь Шуан. — Мне нужны Руководство по непревзойденному врачеванию, Пилюли для сращивания костей и восстановления жизненной силы, а также Пилюли от гнилой плоти.

Эти вещи она только что увидела на панели Системы, и они лучше всего подходили для её нынешнего положения.

Лицо прежней хозяйки тела было полностью изуродовано, а само тело стало крайне слабым из-за падения со скалы и воздействия яда Рыбьего духа. Врачевание позволило бы ей быстро восстановиться и проложить путь для её дальнейших планов.

Предметы успешно обменяны и помещены в пространство Системы. Носитель может извлечь их в любой момент.

Линь Шуан сосредоточилась, и в её руках тут же появились пожелтевшая книга в нитяном переплете и два маленьких нефритовых флакона.

На обложке книги шестью древними иероглифами было выведено Руководство по непревзойденному врачеванию, от неё исходил слабый аромат лекарственных трав. На нефритовых флаконах были выгравированы слова: Восстановление кожи и Гнилая плоть соответственно.

Она открыла флакон с надписью Восстановление кожи и вытряхнула черную пилюлю. От неё исходил странный, тяжелый запах, но она идеально подходила для борьбы с ядом, разъедающим плоть на её лице.

Не раздумывая, она приложила пилюлю к ранам на щеках.

В тот же миг её пронзила острая боль — во много раз сильнее прежней ноющей. Казалось, тысячи муравьев впиваются в её кожу, пожирая плоть.

Ссс, больновато.

Но ничего, терпимо.

Одновременно с этим она открыла Руководство по непревзойденному врачеванию. Страницы сами собой перелистнулись на главу, посвященную восстановлению внешних повреждений. Описанные там методы лечения были настолько искусны, что далеко превосходили все земное, в них даже угадывался некий метафизический подтекст, который идеально сочетался с её силой призрака.

Вот оно что. Эта техника лечения отлично гармонирует с моими способностями, — в глазах Линь Шуан мелькнуло понимание.

Её сила призрака сама по себе была способна управлять энергией Инь, а многие методы из этой книги требовали использования особой энергии для стимуляции организма. Для других это могло оказаться невыполнимым, но для неё все шло как по маслу.

В последующие дни Линь Шуан, следуя записям в книге, очищала лицо от яда и омертвевших тканей.

В то же время она использовала Пилюли для сращивания костей и восстановления жизненной силы, чтобы привести в порядок поврежденные кости и меридианы, не прекращая изучать врачебное искусство.

Она поселилась в старом доме семьи Чжоу Тяньэ, на окраине города. Место было довольно уединенным, что как нельзя лучше подходило для её целей.

Каждое утро, еще до рассвета, она брала корзину и уходила в горы за травами. Здешние миазмы и ядовитые насекомые никак не вредили ей — свирепому призраку, — напротив, они лишь помогали лучше чувствовать духовную энергию различных растений.

По вечерам она выставляла перед домом прилавки для бесплатного лечения, помогая окрестным жителям.

Поначалу сельчане, видя её изуродованное лицо, испытывали страх и отвращение, стараясь обходить её стороной.

— Вы только посмотрите на её лицо, жуть берет. Разве она может лечить?

— Говорят, раньше она была красавицей, а потом упала со скалы, и её укусил ёкай. Не в неё ли вселился дух?

— Лучше держаться подальше, не хватало ещё накликать беду.

Сплетни жалили, словно иглы, но Чжоу Тяньэ не обращала на них внимания.

Она просто сидела, невозмутимая, пока однажды к ней не принесли старого крестьянина, мучившегося от резких болей в животе.

Местные лекари разводили руками, и родные, решив попытать счастья как с умирающей лошадью, обратились к ней.

Чжоу Тяньэ не стала тратить слов попусту. Она просто прощупала пульс, задала пару вопросов, достала из корзины несколько трав, быстро растерла их, а затем вынула серебряную иглу и точно ввела её в биологически активную точку старика.

Её движения были плавными и уверенными, в них чувствовался странный ритм. Несмотря на уродливое лицо, её действия внушали необъяснимое спокойствие.

Не прошло и половины палочки благовоний, как боли у старика утихли, и он даже смог заговорить.

— Ожил... я ожил!

Родные старика были ошеломлены и счастливы. Они принялись кланяться Линь Шуан до земли: — Благодарствуем, великий лекарь! Спасибо вам, спасительница!

Слух об этом разлетелся быстро, словно на крыльях, охватив все соседние деревни.

Отношение людей к Чжоу Тяньэ начало меняться: страх и неприязнь сменились почтением и благодарностью.

Её мастерство было настолько велико, что любая болезнь, даже самая тяжелая, отступала перед её умением.

Более того, она никогда не брала денег за лечение — лишь изредка принимала в дар немного зерна или овощей. Она всегда была терпелива и добра, что кардинально отличало её от той Чжоу Тяньэ, о которой ходили слухи, будто она совсем лишилась рассудка из-за своей изуродованной внешности.

— Госпожа лекарь — поистине человек с душой бодхисаттвы!

— И не говорите! Пусть лицом она не вышла, зато сердце у неё самое доброе!

— Это мы были неправы, винили её зря. Разве может такой светлый человек быть злым? Чжоу Тяньэ иногда слышала подобные разговоры и лишь легко улыбалась: в конце концов, она просто помогала людям сейчас, вела бесплатный приём — почему бы кому-то и не

воспользоваться выгодой?

Сказать пару слов ничего не стоило.

Но сейчас ей были нужны именно такие результаты, ведь люди охотно поддерживают друг друга.

Хвалебных отзывов становилось всё больше, репутация Чжоу Тяньэ как Божественного Лекаря гремела всё сильнее, и теперь за исцелением к ней специально приезжали даже из отдалённых мест.

Она превратилась в местную знаменитость, которую уважал каждый.

Лишь один человек неизменно пылал к ней злобой — это была Чжуан Хусин, которую она когда-то спасла от смерти.

В детстве Чжуан Хусин упала со скалы, и хотя Чжоу Тяньэ спасла её, её собственная внешность почему-то начала стремительно портиться.

Прежде вполне миловидные черты постепенно исказились, кожа потемнела, стала грубой и покрылась бугорками и прыщами.

Если взглянуть издалека, она казалась даже более жуткой, чем изуродованная Чжоу Тяньэ.

Перемены во внешности делали нрав Чжуан Хусин всё более сварливым и злобным.

Они были знакомы с Чжоу Тяньэ с малых лет: в детстве обе отличались прелестной, чистой красотой, но происхождение Чжуан Хусин было куда более богатым и знатным, поэтому во всём она превосходила Тяньэ и часто тайком злорадствовала по этому поводу.

Теперь же обе превратились в жутких страшилищ, да вдобавок Чжоу Тяньэ, несмотря на шрамы, заслужила всеобщую любовь и уважение.

Саму же её все избегали, как чумы. Зависть и ненависть в её сердце разрастались, подобно ядовитым лианам.

С какой стати? Я ни за что не позволю ей жить спокойно!

Она должна испытывать комплексы, она должна завидовать, она должна влачить жалкое существование в тени.

Не может всё быть так! Она обязана пасть на самое дно вместе со мной!

Чжуан Хусин то и дело нарочно прибегала к месту, где Чжоу Тяньэ вела бесплатный приём, и прилюдно принималась её высмеивать:

— Ой, да это же наша великая целительница Чжоу Тяньэ! С такой-то физиономией у тебя ещё хватает совести показываться людям на глаза?

Небось, дуришь народ и заколачиваешь деньги на шарлатанстве?

— Раньше так тряслась над своей красотой, а теперь превратилась в такое пугало — на душе небось скребут кошки от досады?

Впрочем, оно и понятно: раньше была красавицей, а теперь трёхлетний ребёнок шарахается от тебя, будто от злого духа, ха-ха!

— Люди добрые, не верьте ей! Строит из себя благодетельницу? От одного её лицемерного вида тошнит.

Речи Чжуан Хусин были ядовитыми и злыми, словно закалённые в яде клинки — каждое слово било прямо по больному месту Чжоу Тяньэ.

Окружавшие их сельчане, получавшие от лекаря помощь, не могли стерпеть такого и наперебой принялись её стыдить:

— Чжуан Хусин, как у тебя язык поворачивается такое говорить? Доктор Чжоу ведь спасла тебе жизнь!

— Именно! Доктор Чжоу добра сердцем и обладает великим искусством исцеления, как ты смеешь её очернять?

— Сама уродина, вот и бесишься, что кто-то лучше тебя? Совсем потеряла стыд!

Столкнувшись с всеобщим осуждением, Чжуан Хусин не только не почувствовала ни капли раскаяния, но разъярилась еще сильнее.

Ей казалось, что все вокруг ослепли.

Вместо того чтобы ублажать её, дочь богатого семейства, они защищают какую-то нищую чернь.

Её лицо становилось всё более безобразным, а нрав — всё более взрывным.

Вернувшись домой, она срывала всю накопившуюся злобу на слугах: избивала и бранила их по любому поводу, бесчинствовала и вела себя так, будто ей всё дозволено, а в её глазах плескалась лютая жестокость.

Даже её любимая мать, хотя по-прежнему окружала дочь заботой, стоило ей взглянуть на это искаженное лицо, невольно морщилась от отвращения, а временами её даже начинало подташнивать.

Зато к Тяньэ, которая часто заглядывала к ним занести целебные травы, она относилась неизменно тепло и приветливо, расспрашивая обо всем с такой нежностью, будто Чжоу Тяньэ была ее собственной дочерью.

Даже служанки за ее спиной перешептывались между собой:

— Доктор Чжоу такая искусная целительница, добрая и мягкая, только вот лицо её так жалко...

Другая служанка отвечала:

— Да всё ради спасения нашей барышни.

— И почему только барышня совсем не чувствует благодарности?

Разное отношение матери и шепотки слуг со двора.

Лишь сильнее ожесточали и калечили душу Чжуан Хусин. Во всех своих жизненных неудачах она винила исключительно Чжоу Тяньэ, искренне полагая, что та отняла у неё всё, что по праву должно было принадлежать ей.

Наблюдая за изо дня в день уродливеющей внешностью и исковерканным характером Чжуан Хусин, Чжоу Тяньэ улыбалась всё мягче.

Разумеется, она прекрасно понимала истинную причину перемен во внешности Чжуан Хусин.

Дело было вовсе не в каком-то проклятии — всё крылось в её собственных злых помыслах и грязных поступках.

Чжуан Хусин так ни разу по-настоящему и не раскаялась в содеянном.

Все эти их разговоры о том, что они мол случайно нанесли вред, что у них просто грубые манеры, но доброе сердце — лишь пустые слова, потому что нож вонзили не в их спины!

Зависть, ненависть и эгоизм в душе Чжуан Хусин никогда не исчезали.

Как говорится, внешность отражает суть — её лицо было лишь правдивым отражением её внутреннего мира.

— Чжуан Хусин, пока ты искренне не покаешься перед людьми и не обретёшь истинную доброту, это лицо никогда не вернётся к прежнему виду, — прошептала про себя Линь Шуан.

— Увы, тебе это никогда не удастся.

Она вновь сосредоточилась на врачевании, продолжая ежедневно собирать травы и вести бесплатный приём.

В свободное время она изучала Руководство несравненного врачевания и одновременно тайком выслеживала того самого рыбьего духа.

Под воздействием медицинского искусства её призрачная сила крепла с каждым днём, а способность чувствовать тонкие энергии усилилась настолько, что она уже смутно улавливала ауру водного ёкая в ближайших водоёмах.

День мести был уже не за горами.

Что же касалось ёкая-ящерицы и Ао Цзилуна, у Линь Шуан тоже давно созрел план.

Она помнила из воспоминаний прежней хозяйки тела, что ёкай-ящерица воспользуется заикленностью Чжоу Тяньэ на своей внешности, чтобы одурманить её и заставить навредить Ао Цзилуну, из-за чего тот в конце чуть не расстался с жизнью.

Ао Цзилун, драконий наследник, обладал от природы добрым нравом, но из-за череды роковых событий ему выпало пройти через тяжкие испытания.

Прежняя владелица тела испытывала перед ним жгучую вину и надеялась загладить свою ошибку, подарив ему счастливый конец.

Сама же Линь Шуан не испытывала никаких терзаний совести — это были дела между прежней хозяйкой и им.

Если копнуть до самого начала, то не суйся этот драконий принц спасать ту рыбину, и вовсе ничего бы не случилось.

Но раз уж ей досталась эта незавершённая карма прежней владелицы, она поступит ровно так, как та и хотела.

Дни шли за днями, врачебное искусство Линь Шуан совершенствовалось, а её слава росла и ширилась, дойдя даже до уездного города.

Чжуан Хусин же всё глубже увязала в пучине уродства и злобы, превратившись в злую бабку, от которой шарахались все вокруг.

В один из дней, когда Линь Шуан вела приём, к ней со всех ног примчался управляющий из поместья Чжуан. На его лице застыла тревога:

— Доктор Чжоу! Беда! Наша барышня... дома устроил страшный погром, избила людей, а теперь упала в обморок!

Чжоу Тяньэ подняла взгляд и успокаивающе произнесла:

— Разве в городе нет нескольких искусных старых лекарей? Хотя мои познания в медицине неплохи, но барышня Чжуан меня откровенно недолюбливает.

Чжоу Тяньэ тяжело вздохнула.

Управляющий на мгновение замер, а затем с перекошенным от отчаяния лицом выпалил:

— Но... приглашенные лекари ничего не могут поделать! Её матушка плачет и умоляет вас о помощи, говорит, спасти её можете только вы...

Чжоу Тяньэ на мгновение умолкла, но в конце концов кивнула:

— Веди.

Ей было любопытно взглянуть на это представление и узнать, какие еще фокусы способна выкинуть Чжуан Хусин.

Когда они прибыли в поместье Чжуан, во дворе царил полный кавардак: несколько избитых слуг со стенами валялись на земле, а мать Чжуан Хусин сидела у порога и горько рыдала.

Завидев Тяньэ, она бросилась к ней так, будто перед ней явился сам спаситель:

— Тяньэ! Умоляю, спаси Хусин!

Тяньэ помогла женщине подняться. Чжуан Хусин поливала её грязью на каждом шагу, но её матушка отличалась добрым нравом. Вот только воспитывать дочь как следует она так и не научилась.

Пройдя прямо в комнату, Линь Шуан увидела распростёртую на полу Чжуан Хусин. Лицо девушки посинело, дыхание было еле слышным — очевидно, её приступ был вызван сильнейшим приступом гнева и застоявшейся ци.

Она опустилась на колени, проверила пульс и слегка приподняла брови.

В теле Чжуан Хусин, помимо бушующего и текущего вспять потока крови и энергии, таился слабый остаточный след чужеродной ци ёкая — судя по всему, она с кем-то из нечисти всё-таки контактировала.

— Не случилось ли ей в последнее время сталкиваться с чем-то странным? — спросила Линь Шуан.

Мать Чжуан Хусин опешила, напряженно задумалась и неуверенно произнесла:

— Вроде бы... пару дней назад к нам заходил странствующий даос. Он дал ей какую-то талисманную бумажку и сказал, что она поможет вернуть прежнюю красоту...

В глазах Чжоу Тяньэ промелькнуло понимание.

Похоже, в стремлении вернуть красоту Чжуан Хусин совсем потеряла рассудок и, ухватившись за любую соломинку, поверила даже продажному демоническому даосу.

Не говоря больше ни слова, она вынула серебряные иглы и молниеносно вонзила их в несколько жизненно важных точек на теле Чжуан Хусин.

Вскоре Чжуан Хусин медленно приоткрыла глаза. Увидев Линь Шуан, она тотчас исполнилась ядовитой злобы:

— Это ты? Чего тебе нужно? Мне не нужна твоя фальшивая жалость!

Чжоу Тяньэ убрала иглы и равнодушно произнесла:

— Я пришла не спасать тебя. Просто хотела взглянуть, до какой степени безобразия может прийти твоё лицо.

— Ах ты! — Чжуан Хусин затрясло от бешенства. Она попыталась приподняться, но тело было совершенно обессиленным.

— Живи и радуйся, — бросила на ходу Чжоу Тяньэ, разворачиваясь к выходу. — Чем дольше ты проживешь, тем острее прочувствуешь, что такое настоящее возмездие.

Не отвечать добром на добро — вот твоё главное испытание.

Выйдя из поместья Чжуан, она услышала за спиной слова благодарности от матери Чжуан Хусин.

Тяньэ обернулась, легко улыбнулась и махнула рукой:

— Сердце лекаря милосердно, госпожа, вашу благодарность я приняла, не нужно провожать меня, возвращайтесь.

Госпожа Чжуан с чувством проводила взглядом удаляющуюся фигуру Тяньэ и лишь потом вернулась в дом.

Сложным взглядом она посмотрела на управляющего и промолвила:

— Какое же у этой девушки доброе сердце. Ведь она спасает нашу Хусин уже во второй раз.

Оставалось лишь надеяться, что её баловница-дочь впредь образумится.

Госпожа Чжуан впервые начала сомневаться в себе: неужели за столько лет она где-то допустила ошибку в воспитании Хусин?

Почему же её дочь так отвратительно поступает с собственным спасителем?

Не ценит добро и творит что вздумается.

<http://bllate.org/book/21973/2282988>